

бы изъ-за безсилія Своего получаетъ силу отъ Отца, а власть надъ всѣмъ Ему опять также подается (отвнѣ), ибо тогда Онъ уже не былъ бы Богомъ по природѣ, какъ имѣющій красоту божества по сообщенію (отвнѣ). Да и Самъ Отецъ уже не будетъ обладать безграничнымъ превосходствомъ Своихъ благъ, если имѣетъ въ Словѣ такое отображеніе Своей природы, которое требуетъ силы и власти отъ другаго, ибо соотвѣтственно образу и первообразу долженъ быть представляемъ и Податель сказаннаго (силы и власти),—и такъ далѣе рѣчь должна идти у насъ до безконечнаго вопроса и обратиться въ глубокое море богохульства. Но если Сынъ, будучи изъ сущности Отца, по природѣ обладаетъ всѣми свойствами Родителя и по причинѣ тожества природы существенно восходитъ къ одному съ Нимъ божеству, то какъ Самъ Онъ находится въ Отцѣ, такъ и Отца имѣетъ въ Себѣ. Поэтому-то часто съ непререкаемою истинностію Онъ усвоетъ Отцу силу Своихъ дѣлъ, ставя Себя не внѣ этой силы, но все относя къ дѣйственности единаго божества. А божество одно въ Отцѣ и въ Сынѣ и во Святомъ Духѣ.

А что Сынъ—не менѣе Отца по силѣ или по дѣйственности въ чемъ-либо, но подобенъ во всемъ и равносильнъ, это нами доказано и посредствомъ другихъ разсужденій, при толкованіи словъ: „не можетъ Сынъ творить отъ Себя ничего, если что не видитъ Отца творящимъ, ибо что Онъ творитъ, это и Сынъ подобно же творитъ“ (ст. 19). Но такъ какъ я считаю должнымъ и справедливымъ, чтобы достождѣльнѣйшее занятіе божественными догматами оказывалось выше всякой лѣности, то постараемся опять, подражая мореплавателямъ, подобно корабельной снасти собрать все содержаніе разсужденія. Тогда можно

будеть видѣть, что Сынъ не умаляетъ Свою природу въ словахъ, что Онъ не можетъ ничего творить отъ Себя, но избличаетъ безуміе Іудеевъ и ясно показываетъ поппраіе ими даже самого закона Моисеева; ибо къ изреченію: „не могу Я творить отъ Себя ничего“ тотчасъ же присоединенныя слова; „какъ слышу, сужу“ — освобождаютъ Сына отъ всякаго обвиненія въ томъ, что Онъ не можетъ совершать чего-либо собственною силою. Напротивъ, Онъ ясно открываетъ Себя во всемъ согласнымъ съ Отцомъ и слѣдующимъ одной волѣ съ Родителемъ. Вѣдь если бы Онъ, какъ либо изнемогши, получалъ отъ Отца Его силу, такъ какъ Самъ отъ Себя не имѣлъ (ея въ) достаточной (мѣрѣ), то развѣ не долженъ былъ Онъ сказать скорѣе такъ: „не могу Я отъ Себя творить ничего, но получаю силу отъ Отца“? Теперь же, не говоря такъ, а напротивъ—къ „не могу ничего дѣлать отъ Себя“ присоединивъ „сужу такъ, какъ слышу“, очевидно, наконецъ, не по безсилію Своего дѣйственности въ чемъ-либо употребилъ это „не могу“, но по недопустимости преступленія Имъ въ чемъ бы то ни было воли Отца. Если одно божество разумѣется въ Отцѣ и Сынѣ, то безъ сомнѣнія будетъ и воля одна и та же, а также и божественная природа ни въ Отцѣ, ни въ Сынѣ или и во Святомъ Духѣ не должна мыслиться возстающею когда либо противъ Самой Себя, но что бы ни благоугодно было Отцу, это есть воля всего божества.

Итакъ, Сынъ непререкаемо представляетъ Себя какъ бы нѣкимъ соединоволителемъ и единожелателемъ съ Отцемъ во всякомъ благоугодномъ Ему рѣшеніи, когда изъясняетъ невозможность (для Себя) дѣлать что либо такое, что конечно не соотвѣтствуетъ благоизволенію Отца. На это и указываетъ намъ выраже-

ніе: „отъ Себя“. Подобно тому, какъ если бы сказали, что не можетъ совершать грѣха, то по справедливости долженъ показаться каждому не подвергающимся обвиненію въ безсиліи, но, напротивъ, изъясняющимъ досточудную и боголѣпную особенность Своей природы, ибо даетъ разумѣть, что непреложень и неизмѣненъ: такъ и когда признаетъ невозможность отъ Самого Себя что дѣлать, то мы должны скорѣе поражаться при созерцаніи Непреложнаго Плода Непреложной Природы, чѣмъ неблагоприятно видѣть въ этомъ „не могу“ знакъ безсилія.

Это опять да будетъ сказано нами соотвѣтственно нашимъ силамъ и цѣли. А любознательный пусть изыскиваетъ лучшія объяснія.

Впрочемъ не умедлимъ истолковать это изреченіе и иначе, немного отклоняя рѣчь отъ предѣловъ божества и преимуществъ Единороднаго и, поскольку Сынъ дѣйствительно былъ и назывался человѣкомъ, премѣняя значеніе (прежнихъ) умозрѣній къ домостроенію съ плотію и въ то же время послѣдующее ставя въ родственную и тѣсную связь съ предъидущимъ.

Итакъ, ясно свидѣтельствовали, что и „услышать гласъ Его всѣ сущіе въ гробахъ“ и что „изыдутъ“ на судъ (ст. 28). Но какъ скоро разъ дошелъ до рѣчи о судѣ Его надъ вселенною, то возвѣщаетъ, что будетъ праведнымъ судьею не только въ то время, когда послѣдуетъ оживленіе мертвыхъ, но утверждаетъ, что уже и дѣла въ этой жизни Онъ судитъ право и истинно. Что же это за судъ или о комъ вообще рѣчь, слушай теперь. Онъ родился ради насъ отъ Жены (Гал. 4, 4), ибо какъ Павелъ говоритъ, „не ангеловъ воспріемлетъ (Себѣ), но стѣмя Авраамово, почему долженъ былъ во всемъ братьямъ уподобиться“ (Евр. 2,

16—17). А какъ сталъ человѣкомъ и явился въ образѣ раба (Филип. 2, 7), то былъ и подѣ закономъ (Гал. 4, 4) Законодатель, какъ Богъ и Господь. Посему и говоритъ то какъ сущій подѣ закономъ, то опять какъ сущій выше закона, и на то и другое имѣеть безпрекословную власть. Вотъ и теперъ Онъ бесѣдуетъ съ Иудеями, какъ законоблюстителю и человѣкъ, не позволяющій Себѣ преступать свѣше опредѣленныя заповѣди и не рѣшающійся по собственному изволенію дѣлать что либо такое, что не согласуется съ божественнымъ закономъ. Поэтому говоритъ: „не могу Я творить отъ Себя ничего, — какъ слышу, сужу“. Такимъ образомъ свидѣтельствую о Себѣ, что не можетъ дѣлать отъ Себя ничего, очевидно, не дозволеннаго закономъ, и судить о дѣлахъ такъ, какъ услышитъ, тоестъ по опредѣленію закона,—Онъ изобличаетъ тѣмъ своеволіе Иудеевъ и обнажаетъ необузданность ихъ нравовъ. Это и означаетъ прекрасно составленное изреченіе: „не могу Я творить отъ Себя ничего“, — вмѣсто: вы, необузданно преступая данныя вамъ заповѣди, наконецъ уже дошли до безразсудной дерзости дѣлать все отъ себя самихъ и стараетесь творить суды о каждомъ дѣлѣ, не слѣдующіе божественнымъ установленіямъ; ибо учите „ученіямъ — заповѣдямъ человѣческимъ“ (Матѣ. 15, 9) и собственную волю опредѣлили въ законъ.

Какимъ же образомъ доказывается это или какъ выводить Себя судящимъ право, а ихъ—неправедно, объ этомъ также надо сказать. Онъ исцѣлилъ въ субботу разслабленнаго, оказалъ милосердіе человѣку, долгое время пребывавшему въ болѣзни, очевидно совершивъ *судъ* надъ нимъ правый и благій. Въдь и въ субботу подавало оказать милосердіе къ лежавшему и отнюдь не прекращать милости изъ почтенія

къ субботѣ, предаваясь пустосвятству. Какъ и Отецъ является дѣйствующимъ, конечно чрезъ Сына, относительно домостроенія тварей и въ субботу, такъ и Онъ, ибо не судилъ такъ, что въ субботу ради субботы должно лишать милости нуждающагося въ ней, поелику зналъ *Сына человеческого за господина субботы* (Марк. 2, 28) и *не человекъ для субботы, а суббота для человека* (Марк. 2, 27). Таковъ правый и благій судъ Спасителя, не воспрепятствовавшаго ради субботы проявленіе Своего человѣколюбія къ болящему, но что долженъ совершать какъ Богъ, — ибо божественная природа есть источникъ благодати, — это совершилъ и въ субботу. А судъ Іудеевъ, оскорблявшихся этимъ ради субботы и потому пылавшихъ убійствомъ на не сотворившаго никакой неправды, развѣ не оказывается разногласящимъ съ божественными законами, въ коихъ написано: „неповинна и праведна да не убиеши“ (Исх. 23, 7), — и явившимся скорѣе вслѣдствіе ихъ жестокости, а не изъ божественныхъ писаній?

Внемли же поэтому Іисусу, съ нѣкою выразительностію говорящему къ тѣмъ, кои гнѣвались за Его благодѣянія и сопротивлялись праведному суду Его, слѣдуя только своимъ однимъ мыслямъ и свое мнѣніе прямо опредѣляя въ законъ, хотя бы оно и противорѣчило закону: „не могу Я творить отъ Себя ничего“, — вмѣсто: Я совершаю все по закону, опредѣленному чрезъ Моисея, не позволяю ничего дѣлать отъ Себя, „какъ слышу, сужу“. Чего желаетъ законъ? — „Не приѣмли лица въ судѣ, яко судъ Божій есть“ (Второз. 1, 17). Зачѣмъ же вы „на Меня, говоритъ, гнѣваетесь, что всего человекъ здравымъ сдѣлалъ въ субботу“ (Іоан. 7, 23), а Моисея не судите, если онъ учредилъ совершать обрѣзаніе младенцевъ въ субботу? „Не судите по виду, но праведнымъ судомъ

судите: если обрѣзаніе принимаетъ человѣкъ въ субботу, чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ“, то безразсудно негодуете такъ, видя Исцѣлившаго „въ субботу всего человѣка“ (ст. 23). Поэтому Я совершилъ справедливый судъ, а вы нѣтъ, ибо все творите отъ себя. „Я же не могу творить отъ Себя ничего,—какъ слышу, сужу,—и судъ Мой справедливъ есть, потому что не ищу Своей воли, какъ вы, но (воли) Пославшаго Меня Отца“.

А въ чемъ состоитъ и какъ совершено это посланіе, о семъ уже прежде много говорили мы и теперь оставимъ рѣчь объ этомъ. Впрочемъ полезно замѣтить то, что *волею* Отца и Бога называетъ законъ.

В. 31—32. Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно: имъ есть свидѣтельствуй о Мнѣ, и въ мѣ, яко истинно есть свидѣтельство, еже свидѣтельствуеть о Мнѣ ¹⁾.

Мудрѣйшій Соломонъ, собирая вмѣстѣ и предлагая способнѣйшимъ для наученія то, за что справедливо каждому пользоваться уваженіемъ и являть свою жизнь достойною соревонованія, говоритъ: „*праведный себе самага оглагольникъ въ первословіи*“ (Притч. 18, 17),— и опять: „*да хвалитъ тя искренній, а не твоя уста,—чуждый, а не твои устья*“ (Притч. 27, 2). Дѣйстви-тельно, бываетъ тяжело и невыносимо для слушателей желаніе нѣкоторыхъ быть восхваляемыми не устами другихъ, но развязно свидѣтельствовать о себѣ самихъ что либо прекрасное и особенное. Такая рѣчь со всею справедливостію можетъ вызывать къ себѣ недовѣріе, ибо какъ бы нѣкіими естественными и не-

¹⁾ Вм. *οὐδα* др. *οὐδατε*, а нѣк. *οὐδατεν*. Остр. *въ мѣ* др. *въ мѣ*. Послѣ *μαρτυρία* нѣк. приб. *αυτου* (μου нѣк.) и Остр. и Мст. Вм. *имъ* у св. Ал: *νο* (*αλλὰ!*), Снм: *и*, Карп: *се*. Св. Ал: *истина есть се*.

обходимыми узами самолюбія мы старательно стремимся къ тому, чтобы не приписывать себѣ ничего дурнаго, но всегда облекать себя, хотя бы даже и совѣмъ не истинно, такими качествами, благодаря которымъ каждый думаетъ казаться хорошимъ и добрымъ.

И такъ, поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ усвоилъ Себѣ справедливый судъ, ясно высказывая, что не можетъ ничего совершать отъ Себя, но во всѣхъ дѣйствіяхъ Своихъ ставитъ правиломъ волю Отца,—и говоря это Самъ выступалъ свидѣтелемъ о Себѣ, хотя и былъ истиненъ: то по необходимости,—въ виду того, что имѣли сказать, по своему злоухищренію, невѣжественные фариसेи, не знавшіе, что Онъ есть Богъ по природѣ,—выступаетъ, предваряя ихъ, и говорить:

Вы безъ сомнѣнія скажете, слѣдуя обыкновенію многихъ и не избѣгая свойственнаго Іудеямъ неразумія: „Ты о Себѣ Самомъ свидѣтельствуешь, — свидѣтельство Твое не есть истинно“ (8, 13). Но противъ этого, говорить, услыште въ свою очередь: Я терплю еще ваши хульные рѣчи, совѣмъ не гнѣваюсь на изрыгаемая вами по любезнѣйшему вамъ невѣжеству слова,—соглашусь предположительно, что и это говорится вами хорошо,—пусть такъ, — вы отвергаете Мой голосъ, — (такъ) *Иной есть свидѣтельствующій о Мнѣ*. Указываетъ этимъ на сущаго на небесахъ Бога и Отца, многообразно уже засвидѣтельствовавшаго объ истинно божественной сущности Своего Сына, Коего (Отца) *свидѣтельство*, говоритъ, и *знаю Я, что оно есть истинно*, тѣмъ самымъ и Свое рѣшеніе показуя вполнѣ достовѣрнымъ и истиннымъ. И чтобы, допущеніемъ какъ бы ложь говорить Самому о Себѣ, не подать для постоянно иномыслящихъ опять какого либо по-

вода къ злословію и нападенію на Себя, Онъ, представивъ долгу и обычаю не довѣрять истинности похвалъ и одобреній себя самаго, необходимо возвращается опять, какъ Богъ, къ подобающему Ему достоинству и знаетъ, говорить, *свидѣтельство* Отца, что *есть истинно*, научая этимъ и говоря какъ бы такъ: будучи Богомъ истиннымъ, Я знаю Себя, а Отецъ ничего даромъ (изъ угожденія) не скажетъ обо Мнѣ, ибо Я таковъ по природѣ, какимъ и Онъ, Истинный, засвидѣтельствовалъ бы. Итакъ, въ томъ изреченіи (ст. 31) заключалось, какъ бы по снисхожденію допущенное, согласіе (Христа съ обычными взглядами людей) и скорѣе предположительный, чѣмъ дѣйствительный смыслъ, а въ словахъ, что Онъ знаетъ свидѣтельство Отца за истинное, содержится указаніе на подобающую Богу достовѣрность.

Замѣтить надо опять, что по Своей ипостаси Отецъ есть другой отличный отъ Сына, а не является, какъ казалось нѣкоторымъ изъ невѣжественныхъ еретиковъ, сыноотцемъ (*υιοπάτωρ*).

V. 33. *Вы посласте ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ* ¹⁾.

Какъ только что признали мы постыднымъ и не лишеннымъ крайней глупости—быть кому либо хвалителемъ собственныхъ достоинствъ, хотя бы по великой добродѣтели онъ и не допускалъ (при этомъ) лжи,—такъ родственную и близкую съ тою неумѣстность представляетъ и то, если кто безъ зова приходитъ для свидѣтельства о чемъ либо и самовольно является къ судьямъ или желающимъ распрашивать. Вѣдь таковой показался бы, и не безъ основанія, со-

1) Св. Ал: истину.

всѣмъ не истину стремящимся говорить, но ревностно желающимъ свидѣтельствовать не о природѣ дѣла, а вѣрнѣе—открыть свое мнѣніе (о немъ). Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, вѣрнѣе же какъ Богъ, весьма искусно предотвращая и обвиненіе фариисеевъ въ этомъ, говоритъ: „вы послали къ Іоанну“. Не самозванцемъ, говоритъ, былъ Іоаннъ въ приговорѣ обо Мнѣ, — Онъ долженъ быть внѣ обвиненія въ этомъ, — онъ представилъ свободное свидѣтельство. Вы послали къ Іоанну вопросъ, и онъ засвидѣтельствовалъ объ истинѣ. Спрашиваемый тѣми, кои были къ нему посланы: не онъ ли Христосъ?—онъ „исповѣдалъ и не отрекся, исповѣдалъ, что я не (есмы) Христосъ, но что посланъ я предъ Нимъ“ (1, 20)—3, 28). Такъ засвидѣтельствовалъ онъ объ истинѣ, ибо Христосъ есть истина (Іоан. 14, 6).

V. 34. *Азъ же не отъ чловѣка свидѣтельство приѣмлю, но сія глаголю, да вы спасени будете* ¹⁾.

Не отклоняетъ, какъ бесполезный, голозъ Іоанна и не представляетъ бездѣйственнымъ свидѣтеля истины. Иначе Онъ справедливо оказался бы совершающимъ нѣчто нелѣпое противъ Себя Самаго, страннымъ образомъ отказывая въ достовѣрности тому, кого Самъ послалъ вопіять: „уготовьте путь Господень, прямыми дѣлайте стези Бога нашего“. (Иса. 40, 3). Но, какъ сражающійся съ безмѣрнымъ упорствомъ Іудеевъ, переходитъ къ высшему и достопримѣчательнѣйшему, говоря, что нѣтъ необходимости принимать Ему свидѣтельство о Себѣ отъ голоса чловѣческаго,—напротивъ, Онъ представилъ болѣе блестящее дока-

¹⁾ Вм. авт. *чловѣка* — Мар. Зогр. Гал. въ D и вѣк. и Ефр. 151: *чловѣкъ*—Остр. Мст. Тип. Карп. Конст. Ал. *свидѣтельство* въ Остр. вм. тец. и др: *свидѣтельства*. Карп. и Ал: *да вы спасетея*.

зательство изъ подобающей истинному по природѣ Богу власти и изъ всемогущества божескихъ знаменій. Вѣдь голосъ человѣка можно иногда и отвергнуть, хотя бы то, пожалуй, и былъ кто либо изъ причисленныхъ къ святымъ. Это нѣкоторые и не уклоняли дѣлать и противодѣйствовали словамъ пророковъ, восклицая такъ: „другое *намъ глаголите и возглащайте намъ иное прельщеніе*“ (Иса. 30, 10). Кромѣ того и еще нѣкоторые, убѣжавшіе изъ Іерусалима или изъ страны Іудейской въ Египетъ, — то были Азарія сынъ Осии и Іоаннъ сынъ Каріа *и вси мужи презорливи*, какъ написано, — открыто не повинаясь пророчествамъ Іереміи, говорили: „*лжеши, не посла тя Господь къ намъ глаголати: не входите во Египетъ*“ (Іерем. 43, 2). А доказательство посредствомъ чудесъ какое можетъ допускать себѣ противорѣчіе? И засвидѣтельствованіе всемогуществомъ Бога и Отца какой еще можетъ дать любителямъ обвиненій поводъ для упорства? Такъ и Никодимъ, — а это былъ одинъ изъ наставниковъ у нихъ и находился между получившими начальство, — представлялъ непререкаемое свидѣтельство отъ чудесъ, говоря: „Равви! знаемъ, что отъ Бога пришелъ Ты учителемъ, ибо никто не можетъ знаменій этихъ творить, кои Ты творишь, если не будетъ Богъ съ нимъ“ (Іоан. 3, 2).

Итакъ, поелику зломыслие Іудеевъ доходило даже до недовѣрія самому святому Крестителю, приводившему свидѣтельство въ его словесномъ видѣ ¹⁾, то и говоритъ опять примѣнительно къ ихъ нравственному состоянію:

Спрашиваемый отъ васъ, блаженный Креститель

¹⁾ А по происхожденію ово принадлежитъ неизречевому внушенію Божества или вышесловесному откровенію.

хотя и *засвидѣтельствовалъ объ истинѣ*, но если для васъ нѣтъ ничего неприкосновеннаго и вамъ обычно съ безразсудствомъ предаваться всякому злословію, то и голосъ того (Крестителя) вы, естественно, отвергли. Но если Вамъ и это кажется правильнымъ, то пусть будетъ такъ, пожалуй уступлю, соглашусь съ вами, отвергну для васъ и голосъ Іоанна и вмѣстѣ съ вами отрину его свидѣтельство,—Я имѣю свыше свидѣтельствующаго Отца. Научая же опять, что рѣчь эта заключаетъ только предположительное согласіе (съ Іудеями), благолезно присоединилъ: „*сіе же говорю, да вы спасетесь*“, — вмѣсто: таковыя слова высказалъ Я вамъ не потому, чтобы въ дѣйствительности было такъ, но предположительно, чтобы всяческимъ образомъ спасались вы.

И на этомъ у насъ окончится вторая книга.

Г Л А В Ы,

Содержащіяся въ третьей книгѣ.

I. Точное изысканіе о томъ, почему блаженный Креститель названъ отъ Христа не только свѣтильникомъ, но горящимъ и свѣтящимъ,—предметомъ толкованія служитъ изреченіе: „Онъ бѣ свѣтильникъ горя“ и пр. (5, 35).

II. О томъ, что Сынъ есть образъ Бога и Отца, при чемъ (дается) и избличеніе противъ Иудеевъ, какъ не разумѣющихъ прикровенно сказаннаго Моисеемъ, — толкуется изреченіе: „ни гласа Его когда слышите“ и далѣе (5, 37).

III. О томъ, что Моисей указывалъ на пришествіе Спасителя въ словахъ: „Пророка вамъ возставитъ Господь Богъ вашъ яко же мене“ (Второз. 18, 15. 18).

IV. О томъ, что переходы Христа изъ Иерусалима часто означаютъ перенесеніе благодати на язычниковъ, — здѣсь же и разсужденіе о пяти ячменныхъ хлѣбахъ и двухъ (печеныхъ) рыбахъ,—толкуется изреченіе: „и по сихъ отъиде Иисусъ оны—поль моря Тиверіадска“ (6, 1).

V. О томъ, что Единородный есть образъ (ἁρρακτηρ) ипостаси Бога и Отца, и не другой кромѣ Него или есть или разумѣется образъ,—толкуется изреченіе: „еже (брашно) Сынъ Человѣческій вамъ дастъ“ и прочее (6, 27).

VI. О томъ, что она была прообразомъ пришествія Христа и духовныхъ даровъ (сообщенныхъ) чрезъ Него,—предметомъ толкованія служатъ слова: „рече убо имъ Иисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе“ (6, 32).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Г Л А В А I.

Точное изысканіе о томъ, почему блаженный Креститель названъ отъ Христа не только свѣтильникомъ, но горящимъ и свѣтящимъ.

Только что окончивъ писаніе второй книги и переплывъ широкое и глубокое море божественныхъ созерцаній, такимъ образомъ уже рассчитавъ достигнуть конца какъ нѣкоей пристани и какъ бы причаливая ладью къ землѣ, — мы усматриваемъ начало другаго моря, то есть движеніе къ дальнѣйшимъ реченіямъ (Евангелія), совершать которое (движеніе) надлежитъ намъ со всякимъ стараніемъ, чего требуетъ самая цѣль предмета и къ чему въ такой же мѣрѣ побуждаетъ изреченіе нѣкоего (мудреца), что „добрыхъ трудовъ плодъ благословенъ“ (Прем. Сол. 3, 15). И вотъ, восходя опять въ дерзновенное настроеніе духа, предоставимъ управленіе нами благому и челоуѣколюбивому Богу. Развернувъ, подобно парусу, широту ума и имѣя благодать Духа какъ попутный вѣтерокъ съ кормы, выйдемъ въ глубокое изысканіе, ибо Христось есть „дающій въ морѣ путь и въ водѣ стезю“ (Иса. 43, 16).

Вторая книга окончилась у насъ на изреченіи: „Я же не отъ челоуѣка свидѣтельство принимаю, но это

говору, чтобы вы спаслись“ (5, 34). Третью же начнемъ съ слѣдующихъ затѣмъ по порядку словъ Христа о святомъ Крестителѣ.

Г. 35. *Онъ бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй: вы же хотите возрадоватися въ часъ свѣтнїя его* ¹⁾.

Свѣтильнику уподобляетъ святаго Крестителя, такъ какъ онъ, по присущей природѣ челоуѣка мѣрѣ силъ, возсіялъ предъ пришествіемъ Его, впрочемъ пользуясь не своимъ свѣтомъ, ибо въ свѣтильникѣ не свой свѣтъ, но отнѣй сообщаемый и привносимый. Такое же освѣщеніе отъ Христа въ духѣ можно видѣть и во святыхъ, почему и, весьма благоразумно мысля и поступая, сами своимъ голосомъ исповѣдуютъ, „что изъ полноты Его мы все получили“ (Іоан. 1, 16). Это потому, что свѣтъ по природѣ есть Единородный, какъ возсіявшій изъ свѣта, то есть изъ сущности Отца. Тварь же причаствуетъ Ему, какъ и все, что обладаетъ способностію разсуждать и мыслить, есть какъ бы сосудъ для наполненія божественнымъ свѣтомъ, превосходно устроенный Всесовершеннѣйшимъ Художникомъ всего Богомъ. Итакъ, по прежде уже данному разсужденію, свѣтильникъ есть блаженный Креститель. Говоря это, Спаситель благоусмотрительно призываетъ неразумныхъ фарисеевъ къ воспоминанію словъ Бога и Отца, говорящаго въ одномъ мѣстѣ о Немъ: „Я приготовилъ свѣтильникъ Христу (помазанному—слав.) Моему“ (Псал. 131, 17).

¹⁾ Св. Ал: *горяй и свѣтяй* (свѣщникъ) точно. Древе-ст: *хотѣсте*, по св. Ал: *не хотѣсте*—производя отъ неупотр. *сделѣю*.—*Въ часъ*—Зогр. вм. др.: *въ году*,—Св. Ал: *при годинѣ* *всегда свѣтити ему*. Кут: *на время во свѣтъ его*. Собств. или: *на часъ, на время* (малое), какъ русс. и св. Кир. ср. 2 Кор. 7, 8; Гал. 2, 5; Фесс. 2, 17. — или: *во время, ко времени* (благо-временно).—затѣмъ: *во или при свѣтъ его*.

И весьма благополезно и необходимо Христось къ прежде уже сказанному присоединяетъ теперь и это. Такъ какъ Онъ, исключая всякій поводъ для непослушанія Иудеевъ и всячески привлекая ихъ къ вѣрѣ въ Себя, казался какъ бы соглашающимся на непринятіе свидѣтельства его (Крестителя), въ словахъ: „*Я же не отъ человека свидѣтельство принимаю*“: то, дабы не думали, что Господь дѣйствительно и истинно разсуждаетъ о Предтечѣ такимъ именно образомъ, какимъ являлся внѣшній видъ рѣчи, благополезно приводитъ въ настоящемъ случаѣ уже не Себя говорящимъ что либо о немъ, но (Псалмопѣвца) восклицающаго словами Отца. Думалъ Онъ, что по крайней мѣрѣ изъ благоговѣнія къ Богу и Отцу долженъ устыжаться противникъ, или уже болѣе явнымъ оказываться богоборцемъ, какъ скоро безстыдно возстаетъ противъ самыхъ даже словъ Бога и Отца.

Итакъ, *былъ*, говорить, *онъ свѣтильникъ*, *вы же пожелали возрадоваться на часъ въ свѣтъ его*. Надлежало не только показать, что фарисеи легко уклоняются отъ долга и по великому нечестію нравовъ отталкиваютъ отъ себя желаніе вѣрить, но и обличить ихъ въ томъ, что они непостоянны и совершенно невыкли прилежно стремиться къ благу, а едва отвѣдавъ и на однихъ только словахъ похваливъ тѣхъ, кои казались достопочтенными, они не стѣснялись быстро переходить къ противоположному настроенію. Это, полагаю, и означаетъ „*пожелать на часъ возрадоваться въ свѣтъ его*“. Вѣдь сначала они удивлялись предъ святымъ Крестителемъ, какъ подвижникомъ, какъ боголюбцемъ, какъ образцомъ всякаго благочестія, но удостоивая его своего удивленія, они оскорбляютъ его и не выносятъ его словъ: „приготовьте путь Господень, прямыми дѣлайте стези Бога ва-

шего“. Очевидно они оказываются дѣлающими это по своей непослушливости.

Сохранивъ, какъ предполагаю, общепринятый и обычный образъ толкованія предложеннаго изреченія, мы такимъ образомъ уже изложили, по мѣрѣ нашихъ силъ, смыслъ его. Но поелику слово Спасителя оказывается увлекающимъ насъ къ глубокимъ размышленіямъ и вынуждающимъ какъ бы коснуться болѣе острыхъ мыслей, обозначая, что Іоаннъ былъ не просто только *свѣтильникъ*, но и *горящій и свѣтящій*: то почитаемъ необходимымъ, точнѣе вникнувъ въ смыслъ сказаннаго, изслѣдовать красоту истины. Поставимъ же опять на видъ себѣ изреченіе: „онъ былъ *свѣтильникъ*“, говоритъ. Достаточно было и чрезъ это одно указать на святаго Крестителя, чтобы слушатели пришли къ разумѣнію пророчества о немъ, гласящаго такъ: „*уготовахъ свѣтильникъ Христу Моему*“ (Псал. 131, 17). А какъ къ слову „*свѣтильникъ*“ присоединяетъ „*горящій и свѣтящій*“, то очевидно возводитъ этимъ слушателя не къ одному только изреченію пророка, но и къ какому либо подзаконному прообразованію, какъ въ образѣ и тѣни предначертывавшему свѣтѣніе Іоанна, которое онъ прекрасно совершилъ, засвидѣтельствовавъ о Владыкѣ Христѣ. Также и фарисеевъ, постоянно занимавшихся Моисеевыми изреченіями и считавшихъ себя мудрецами, избличаетъ опять въ невѣжествѣ и въ томъ, что они болѣе по видимости суть мудрецы, чѣмъ дѣйствительные законовѣды. Такова вся цѣль изреченія. Но, полагаю, намъ необходимо слѣдуетъ, обращаясь къ самому божественному откровенію, разъяснить уже, что блаженный Креститель былъ не просто *свѣтильникъ*, но и *горящій и свѣтящій*.

Итакъ, когда Богъ давалъ повелѣнія относительно